

Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля ¹⁾.

XVII.

Гражданскія дѣла.

Дѣятельность председателя столичнаго окружнаго суда въ мое время (1878—1881) представляла и, конечно, представляет до сихъ поръ много сторонъ, дѣлающихъ ее не только чрезвычайно отвѣтственной, но подѣ-часъ и тягостной. Управление сложнымъ судебнымъ учрежденіемъ, на правахъ „перваго между равными“ среди лицъ судейскаго званія и съ обязанностями контроля и надзора за многочисленными подчиненными, служебную работу которыхъ надо направлять и регулировать, обширная переписка съ министерствомъ юстиціи и разными вѣдомствами, пріемъ просителей и т. п. — въ значительной мѣрѣ обращаютъ председателя въ администратора, при чемъ послѣдній нерѣдко совершенно заслоняетъ въ немъ собою судью. Даже председательствованіе въ общихъ собраніяхъ отдѣленій суда съ многоразличными вопросами, подлежащими его вѣдѣнію, носятъ, по большинству изъ нихъ, скорѣе распорядительно-дисциплинарный, чѣмъ судебный характеръ. Въ мое время въ Петербургскомъ окружномъ судѣ было семь отдѣленій и въ нихъ семь товарищей председателя и 20 членовъ, — было 7 секретарей, 27 помощниковъ секретаря и 41 судебный приставъ, не считая состоявшихъ при судѣ судебныхъ слѣдователей,

¹⁾ См. „Русская Старина“, январь 1912 г.

нотаріусовъ и кандидатовъ на судебныя должности. Теперь общее число этихъ лицъ возросло болѣе чѣмъ вдвое, но за то съ предсѣдателя снята тяжкая, чреватая крайними непріятностями, обуза—*касса суда*, которою въ мое время завѣдывали бухгалтеръ и помощникъ секретаря. Оба они получали содержанія не болѣе 1.000 р. въ годъ каждый, а оборотъ кассы выражался въ десяткахъ, а иногда и сотняхъ тысячъ рублей,—и предсѣдателю приходилось, среди массы всякаго другого дѣла, подписывать ассигновки на огромныя суммы. Мой предмѣстникъ—человѣкъ жизнерадостный и довольно беззаботный,—шутя говорилъ мнѣ: „да! касса—это своего рода вулканъ, но я смотрю на это такъ: ассигновки на малыя суммы провѣряю съ документами, а какъ перевалить тысячъ за десять, такъ уже и не провѣряю; во-первыхъ некогда, а во-вторыхъ, все равно мнѣ нечѣмъ будемъ заплатить начеть“... Но я не могъ раздѣлить этого шутливаго взгляда и не разъ тревожился, когда въ „вулканъ“ поступали очень большія суммы, какъ, напримѣръ, по расчетамъ Грегера, Горвица и К^о съ военнымъ министерствомъ послѣ Восточной войны. Нынѣ это усложненіе обязанностей и отвѣтственности предсѣдателя Петербургскаго окружнаго суда значительно уменьшилось, такъ какъ въ самомъ судѣ открыто отдѣленіе губернскаго казначейства. вмѣстѣ съ тѣмъ на предсѣдатель лежитъ, по моему мнѣнію, нравственная обязанность принимать на себя веденіе дѣлъ, особо-выдающихся по общественному значенію или по сложности возникающихъ въ нихъ юридическихъ вопросовъ. Ему слѣдуетъ принимать по такимъ дѣламъ на себя, предъ лицомъ общества и кассационнаго суда, отвѣтственность за правильное, согласное съ закономъ руководство присяжными. Такъ смотрѣли, принимая на себя предсѣдательство въ разныхъ громкихъ процессахъ, почти всѣ предсѣдатели Петербургскаго окружнаго суда, такъ дѣлалъ и я, совлекая съ себя на время администратора и погружаясь въ болѣе мнѣ свойственную область судейской дѣятельности. По многимъ причинамъ и обстоятельствамъ, на которыя я указывалъ въ предыдущихъ моихъ „замѣткахъ и воспоминаніяхъ“, этотъ своеобразный отдыхъ отъ административной дѣятельности былъ, однако, въ то время, сопряженъ съ тягостными впечатлѣніями и испытаніями, дѣйствовавшими, въ концѣ концовъ, утомляющимъ и раздражающимъ образомъ. Поэтому, когда, въ концѣ четвертаго года пребыванія въ должности предсѣдателя, я получилъ за границею, осенью 1881 года, телеграмму министра юстиціи съ предложеніемъ занять мѣсто предсѣдателя департамента судебной палаты въ Петербургѣ, я охотно согласился на это предложеніе. Постоянная чисто судебная работа, съ очень малымъ кругомъ сотоварищей и подчинен-

ныхъ, поставленная въ строго опредѣленные рамки разсмотрѣнія вопросовъ о преданіи суду и жалобъ на приговоры первой инстанціи, обѣщала мнѣ то спокойствіе, въ которомъ я очень нуждался.

Но, вернувшись въ Петербургъ, я съ крайнимъ удивленіемъ узналъ, что назначенъ предсѣдателемъ *гражданскаго* департамента судебной палаты. Всю жизнь дотолѣ я занимался уголовной дѣятельностью въ качествѣ прокурора и предсѣдателя уголовного суда, писалъ статьи и дѣлалъ доклады въ юридическомъ обществѣ по вопросамъ уголовного права и процесса, и только лишь въ Казани, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, давалъ въ окружномъ судѣ заключенія по гражданскимъ дѣламъ. Но дѣла эти были весьма несложны, да и поводы для прокурорскихъ заключеній возникали рѣдко. А тутъ мнѣ предстояло руководить засѣданіемъ и подавать свой голосъ въ столичной апелляціонной инстанціи по огромнымъ и сложнымъ дѣламъ, въ которыхъ бывали затронуты обширные частные и общественные интересы. При этомъ нѣкоторая способность къ публичной судебной рѣчи и навыкъ къ ней, приобрѣтенный при произнесеніи обвинительныхъ рѣчей и руководящихъ напутствій присяжнымъ засѣдателямъ, оказывались совершенно излишними, а привычка разбираться въ уликахъ и доказательствахъ должна была быть сведена въ большинствѣ случаевъ къ оцѣнкѣ формальныхъ, предустановленныхъ основаній правильности исковыхъ требованій или возраженій отвѣтчика. Въ смыслѣ знаній и опыта я видѣлъ себя перенесеннымъ на совсѣмъ другую плоскость и признавалъ, что изъ человѣка привычнаго къ своему, такъ сказать, мастерству мнѣ предстоитъ обратиться въ лучшемъ случаѣ лишь въ прилежнаго ученика. Подъ первымъ впечатлѣніемъ я сталъ думать объ отставкѣ. Министръ юстиціи Д. Н. Набоковъ, которому я высказалъ свое удивленіе по поводу такого моего назначенія и сомнѣніе въ моей для него пригодности, пытался меня успокоить указаніемъ на существующее во французскихъ судахъ *goûtement*, въ силу котораго члены уголовныхъ отдѣленій переходятъ по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, по заранѣе установленной очереди, въ члены гражданскихъ отдѣленій и наоборотъ. Существованіе такого обычая во Франціи мало меня утѣшало, такъ какъ въ Россіи мнѣ предстояло сдѣлаться не простымъ членомъ коллегіи, а стать въ ея главѣ. Но и выходъ въ отставку представлялъ мало привлекательнаго. Я зналъ, что моя, если можно такъ выразиться, „уголовная репутация“ и долгая судебная служба широко откроютъ мнѣ двери адвокатуры, въ которой, въ качествѣ защитника, я, вѣроятно, займу не послѣднее мѣсто. Но я привыкъ быть слугою государства и представителемъ судебной его власти, при томъ мнѣ было 37 лѣтъ, и

написано: „Совѣтую посмотрѣть у Даллоза въ „Dictionnaire de jurisprudence générale“. Надо замѣтить, что сборникъ Даллоза состоитъ, кажется, не менѣе какъ изъ ста томовъ, стоятъ болѣе тысячи рублей и поэтому весьма рѣдокъ и мало доступенъ. Я самъ купилъ его послѣ сношеній съ лейпцигскими антикваріями по случаю за девятьсотъ рублей для бібліотеки министерства юстиціи. Можно себѣ представить, въ какомъ положеніи долженъ былъ бы находиться на моемъ мѣстѣ провинціальный судебный дѣятель. И такихъ случаевъ было нѣсколько.

Тоже на первыхъ порахъ пришлось встрѣтиться съ вопросами, которые, казалось бы, въ виду существованія новыхъ судовъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ, давнымъ-давно должны были быть разрѣшены. Такъ постоянно возникали дѣла о требованіи женою обезпеченія отъ мужа, согласно 106 ст. I части X тома свода законовъ, гласящей, что мужъ обязанъ давать женѣ содержаніе по состоянію своему и возможности. Несмотря на то, что при толкованіи слова „состояніе“ въ смыслѣ имущественной обезпеченности, слово „возможность“ является недопустимой въ законѣ тавтологіей, точное понятіе о *состояніи* оказалось совершенно неразработаннымъ, и суды обыкновенно задавались вопросомъ лишь о томъ, какъ великъ матеріальный достатокъ мужа, чтобы опредѣлить затѣмъ, какую долю изъ него и въ какомъ размѣрѣ слѣдуетъ присудить женѣ. Мнѣ удалось склонить моихъ сотоварищей къ признанію, что подъ словомъ „состояніе“ слѣдуетъ разумѣть *права* состоянія, которыми должна опредѣляться необходимая бытовая обстановка жены, домогающейся обезпеченія отъ мужа. Въ этомъ смыслѣ состоялось у насъ рѣшеніе по дѣлу Трапезниковой, которая домогалась отъ опекунскаго управленія надъ дѣлами и личностью ея умалишеннаго мужа выдачи ей ежегодно $\frac{1}{4}$ части всѣхъ доходовъ по соотвѣтствію съ указной частью, утверждая, что если по смерти мужа безъ завѣщанія она имѣетъ право на указную ($\frac{1}{4}$) часть изъ его движимаго имущества, то и послѣ его духовной смерти отъ потери разсудка ея право на полученіе обезпеченія „по состоянію и возможности“ мужа должно осуществляться полученіемъ четвертой части доходовъ съ его огромнаго имущества. Мы нашли, что право жены на содержаніе отъ мужа есть право *личное*, а не *имущественное*, и размѣръ этого содержанія—такъ называемыхъ *алиментовъ*—долженъ опредѣляться соображеніемъ имущественной *возможности* для мужа и общественнымъ и сословнымъ *положеніемъ*, которое создано для жены вступленіемъ ея въ бракъ; назначеніе же содержанія какъ $\frac{1}{4}$ доли доходовъ съ имущества мужа влекло бы собой право жены контролировать эти доходы, постоянно измѣняя размѣры слѣдующей ей

четвертой доли и требуя отъ мужа отчета въ его дѣлахъ и оборотахъ, что шло бы совершенно въ разрѣзъ съ духомъ нашего законодательства, твердо устанавливающаго, въ противоположность западному,—начало полной имущественной раздѣльности и самостоятельности супруговъ. Поэтому, находя, что 6.000 р. ежегоднаго содержанія, предложеннаго опекунскимъ управленіемъ потомственной почетной гражданкѣ, не представляется несоотвѣтствующимъ ея общественному положенію, мы отказали въ искѣ Трапезниковой, и нашъ взглядъ былъ раздѣленъ гражданскимъ кассационнымъ департаментомъ.

Эту точку зрѣнія на присужденіе алиментовъ приходилось затѣмъ примѣнять не разъ, такъ какъ такихъ дѣлъ было довольно много, при чемъ въ нихъ нерѣдко раскрывались не только мрачныя, но и трагическія стороны жизни супруговъ. Наше брачное право страдаетъ многими недомолвками и неясностями. Юридическій элементъ въ немъ разработанъ слабо, и его замѣняютъ дидактическія и нравоучительныя сентенціи расплывчатаго характера, дающія поводъ къ самымъ произвольнымъ толкованіямъ. Достаточно сказать, что нашъ законъ вмѣняетъ мужу въ *обязанность* „любить свою жену, какъ собственное тѣло“, а жену *обязываетъ* „пробывать къ нему въ любви и неограниченномъ послушаніи и оказывать ему *всякое* угожденіе и привязанность“. Устанавливая расторгеніе браковъ исключительно формальнымъ судомъ по одному изъ четырехъ поводовъ для развода, онъ однако *забываетъ* сказать, у кого же изъ разведенныхъ родителей должны оставаться дѣти, такъ какъ личная родительская власть въ силу закона прекращается единственно смертью естественною или лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія. Такимъ образомъ, на примѣръ, когда жена, дойдя въ неограниченномъ послушаніи до крайняго предѣла въ оказываніи развратному мужу всякаго угожденія, вынуждена будетъ обратиться къ суду съ жалобой о разводѣ, и эта просьба будетъ уважена, мужъ можетъ сохранить личную власть надъ дѣтьми и не лишиться юридической возможности ее проявлять. Точно также и жена, ведущая распутную жизнь, поступившая „на содержаніе“ и позорящая имя мужа своимъ поведеніемъ, даже и въ случаѣ признанія ея виновной въ прелюбодѣянніи и послѣдовавшаго вслѣдствіе этого развода съ мужемъ, можетъ осуществлять свою власть надъ дѣтьми, вліяя на нихъ тлетворнымъ примѣромъ и ядовитыми въ нравственномъ отношеніи внушеніями. За отсутствіемъ какихъ-либо указаній закона на способъ огражденія душевной жизни дѣтей и защиты родительскихъ чувствъ оскорбленнаго супруга—судебная власть оказывается въ подобныхъ случаяхъ совершенно безсильной... Почти такой же характеръ имѣютъ и дѣла

о томъ, кому изъ не живущихъ совмѣстно супруговъ принадлежитъ право оставить при себѣ дѣтей и руководить ихъ воспитаніемъ? И въ этихъ случаяхъ взаимныя недоразумѣнія, пререканія и разладъ родителей часто губительно отражаются на дѣтяхъ, которыхъ, при помощи обмана и насилія, перебрасываютъ изъ рукъ въ руки осыпающіе другъ друга упреками и обвиненіями родители...

Намъ пришлось, на примѣръ, разсматривать дѣло по взаимнымъ жалобамъ статскаго совѣтника С. и его жены, изъ котораго было видно, что между супругами происходили постоянныя пререканія по вопросу о воспитаніи двухъ дочерей десяти и двѣнадцати лѣтъ. Мужъ хотѣлъ ихъ помѣстить въ Смольный и Еленинскій институты, при чемъ, по условіямъ его службы, старшая могла быть принята на казенный счетъ. Жена же его находила, что лучшую карьеру въ смыслѣ успѣха и матеріальнаго обезпеченія составляетъ поступленіе въ балетную труппу, къ которому она и хотѣла подготовить своихъ дочерей сначала дома, а потомъ въ театральномъ училищѣ. Пререканія кончились тѣмъ, что жена, пользуясь служебной отлучкой мужа, уѣхала изъ его квартиры и увезла съ собой дѣтей. На судѣ мужъ требовалъ водворенія дѣтей къ нему обратно для осуществленія своего намѣренія отдать ихъ въ институтъ и тѣмъ избавить ихъ отъ вліянія матери. Свидѣтели, допрошенные по его ссылкѣ, нарисовали весьма неприглядную картину жизни этихъ дѣтей: неряшливыя, оборванныя и блѣдныя дѣвочки живутъ съ матерью въ двухъ грязно содержимыхъ комнатахъ; тутъ же съ ними, именуясь учителемъ, проживаетъ студентъ, дерзко относящійся къ ихъ матери, постоянно съ нею ругающійся и не имѣющій никакого авторитета у дѣтей, которыя ведутъ праздную и веселую жизнь, интересуясь исключительно балетными танцами. Судебная палата нашла, что раздѣльное жительство супруговъ, чѣмъ бы оно ни было вызвано или обусловлено, не можетъ служить основаніемъ къ измѣненію взаимныхъ правъ и обязанностей ихъ по отношенію къ дѣтямъ, въ силу которыхъ жена не освобождается отъ повиновенія волѣ мужа относительно воспитанія дѣтей, если только не докажетъ, что направленіе, даваемое имъ этому воспитанію, несомнѣнно противорѣчитъ требованію закона о томъ, чтобы оно было „добрымъ и честнымъ“ (ст. 172 и 173, I ч. X т.) и можетъ, по этому, губительно отразиться на ихъ нравственности. Поэтому, рѣшеніемъ своимъ она обязала госпожу С. возвратитъ своихъ дочерей ихъ отцу для помѣщенія въ соотвѣтственное учебное заведеніе. Это дѣло было однимъ изъ рѣдкихъ подобнаго рода, въ которыхъ исполнительный листъ дѣйствительно осуществленъ на дѣлѣ, и дѣти водворены для дальнѣйшаго образованія въ Смольномъ институтѣ

въ присутствіи родителей, повѣреннаго истца, судебнаго пристава и начальницы института, расписавшейся на журналѣ пристава въ принятіи дѣтей.

Въ дѣлахъ объ истребованіи женою средствъ на пропитаніе и содержаніе палата выработала себѣ за мое время опредѣленный взглядъ, нашедшій себѣ поддержку и въ рѣшеніяхъ Сената. Согласно этому взгляду, удовлетвореніе требованія алиментовъ можетъ вослѣдовать лишь въ случаѣ признанія, что совмѣстная жизнь супруговъ не осуществляется по винѣ отвѣтчика. По условіямъ семейной жизни вина этого рода можетъ выражаться не только въ насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ жены и оскорбленіяхъ ея чести, но въ установленіи такихъ внутреннихъ семейныхъ отношеній и такой обстановки домашняго быта, при которыхъ продолженіе совмѣстной жизни дѣлается невыносимымъ, будучи соединено съ оскорбленіемъ нравственнаго чувства жены и проявленіями супружеской власти мужа, чуждыми указаннымъ въ законѣ чувствамъ любви и снисхожденія. Наличие этой вины, дѣлающей совмѣстное пребываніе съ мужемъ *физически или нравственно* невозможнымъ, даетъ право признать мужа уклоняющимся отъ совмѣстнаго жительства съ женою. При этомъ, для освобожденія его отъ обязанности выдавать женѣ содержаніе, недостаточно простого съ его стороны заявленія о согласіи принять жену въ домъ обратно, такъ какъ въ такомъ заявленіи не содержится еще никакихъ указаній на то, что вмѣстѣ съ тѣмъ устраняются и всѣ условія, повліявшія на разлуку супруговъ и вынудившія ее. Одно заявленіе желанія о возвращеніи жены къ супружескому очагу, не будучи соединено ни съ какими гарантіями и не лишающее мужа возможности сохранить ей прежнюю обстановку жизни и даже, быть можетъ, приуготовить худшую—являлось бы слишкомъ легкимъ средствомъ для прекращенія всякихъ исковыхъ домогательствъ жены и, уничтожая, въ каждый данный моментъ, производство дѣла, обрекало бы жену на новое несеніе тягостныхъ условій, картина коихъ такъ часто развертывается предъ судомъ—или же на нищету, въ случаѣ невозможности примириться съ этими условіями цѣною матеріально обезпеченнаго супружескаго крова! Поэтому, одного выраженія мужемъ желанія взять жену обратно недостаточно для отказа ей въ искѣ о содержаніи, если изъ обстоятельствъ дѣла усматривается, что условія совмѣстной жизни съ супругомъ давали ей основаніе къ удаленію изъ супружескаго помѣщенія, и если, при томъ, отвѣтчикомъ ничѣмъ не доказано желанія и готовности устранить, на будущее время, эти условія.

Между этими дѣлами было одно, при воспоминаніи о которомъ

я не могу удержаться от улыбки. Предъ судебной палатой предсталъ канцелярскій чиновникъ капитула орденовъ, женѣ котораго были присуждены съ него алименты по 8 рублей въ мѣсяцъ. Жалуюсь на это рѣшеніе, онъ объяснялъ въ своемъ отзывѣ: „Жена моя, проживъ со мной почти полвѣка, на старости лѣтъ вздумала заниматься своевољствомъ и жить въ свое удовольствіе, почему никакого права на полученіе отъ меня содержанія не имѣетъ“. Маленькій, сѣдой, съ краснымъ носомъ и слезящимися глазами, онъ повторилъ то же самое и въ судебномъ засѣданіи, упирая особенно на жизнь жены „въ свое удовольствіе“. Жена, чрезвычайно худая, безкровная сѣдая женщина, очень бѣдно одѣтая, возражала на его заявленія и, наконецъ, расплакавшись, сказала намъ: „вѣрьте Богу, господа судьи, ничего этого не было и никакимъ своевољствомъ я не занималась, а только, дѣйствительно, прожилъ онъ со мною полстолѣтія, да и сталъ амурничать съ кухаркой и чѣмъ больше онъ амурничаетъ, тѣмъ она больше мнѣ дерзитъ: совсѣмъ меня въ грошъ не ставитъ. Разъ я ушла вечеромъ къ старымъ знакомымъ, „душу отвести“, возвращаюсь поздно вечеромъ, а кухарка мнѣ открыла дверь да и говоритъ: „вамъ здѣсь больше быть не полагается“, да передъ носомъ дверь и захлопнула. Сколько я ни звонила—не отпираютъ. Такъ всю ночь на лѣстницѣ, на подоконникѣ и просидѣла... Утромъ вышелъ онъ на службу и на меня даже и не взглянулъ, а кухарка выбросила мнѣ узелъ съ моимъ платьемъ, бѣльемъ и образомъ и снова дверь заперла. Такъ вотъ какое мое *своевољство!* И нанимаю я теперь уголь на Пескахъ, у маляровъ, а уголь сырой, и у меня теперь во всѣхъ членахъ ревматизмъ. Вотъ и все мое *удовольствіе*“.—Не желаете ли вы взять вашу супругу къ себѣ въ совмѣстное жительство?—спросилъ я супруга.—„Нѣтъ-съ,—отвѣчалъ тотъ съ видомъ оскорбленнаго достоинства:—вы сами изволили слышать: какъ же я ее послѣ *этого* возьму?“ Мы присудили ей по 12 рублей въ мѣсяцъ и приступили къ слушанію другихъ дѣлъ. Она не ушла и осталась до конца засѣданія, т. е. до девяти часовъ вечера. Въ слѣдующее засѣданіе она пришла опять и, въ опустѣвшемъ послѣ трехъ часовъ залѣ, просидѣла до конца; въ слѣдующее засѣданіе повторялось то же самое. Ея одинокое присутствіе насъ чрезвычайно стѣсняло, такъ какъ вынуждало, несмотря на отсутствіе сторонъ и публики, продѣлывать всѣ формальности публичнаго засѣданія вмѣсто разсмотрѣнія дѣла въ совѣщательной комнатѣ. Я поручилъ судебному приставу спросить ее о причинахъ ея явки въ засѣданіе. „А причина та,—сказала она приставу,—что я очень довольна рѣшеніемъ, и хочется мнѣ на справедливыхъ судей насмотрѣться“.— „Объясните ей, сказалъ я приставу, что она насъ

очень стѣсняетъ, да и мужъ, пожалуй, станетъ снова ее обвинять, что она живетъ въ свое удовольствіе“.

Къ дѣламъ, въ которыхъ суду невольно приходится заглядывать въ нѣдра чужой семейной жизни, относились и дѣла о законности рожденія. И тутъ нашъ законъ, особливо въ то время, о которомъ я пишу, представлялъ обширное поле для возникновенія спорныхъ вопросовъ, не разрѣшенныхъ положительнымъ образомъ. Излишне говорить, какую благопріятную почву создавала эта неясность съ одной стороны для введенія въ законную семью, путемъ разныхъ обмановъ и ухищреній, дѣтей, въ появленіи которыхъ на свѣтъ менѣе всего былъ виновенъ законный супругъ, а съ другой стороны къ мстительнымъ выходкамъ считающаго себя обманутымъ мужа, сопровождаемымъ подчасъ весьма грязными подробностями альковной жизни. Сердце невольно сжималось при мысли о бѣдныхъ дѣтяхъ, являвшихся неповинной жертвой въ этомъ столкновеніи уязвленныхъ самолюбій, поруганнаго довѣрія и безоглядныхъ увлеченій страстью. Иногда, при особо-сложившихся обстоятельствахъ, жертвою являлось и третье лицо, въ душевную жизнь котораго вторгалось отчаяніе. Мнѣ вспоминается по этому поводу одинъ характерный случай, связанный съ вопросомъ объ усыновленіи. Служебныя отношенія вызвали мое знакомство съ начальникомъ одной изъ частей столичнаго гражданскаго управленія—старымъ холостякомъ—человѣкомъ прекраснымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Ему было уже за пятьдесятъ лѣтъ. Мы встрѣчались очень дружелюбно, но, занятые своимъ дѣломъ, не имѣли времени бывать другъ у друга. Но однажды онъ пришелъ ко мнѣ, заявилъ настойчивое желаніе меня видѣть, сѣлъ въ кресло, низко опустилъ свою сѣдѣющую голову, съ видомъ безнадежнаго унынія закрылъ свои добрые, воспаленные отъ бессонницы глаза... На мой тревожный вопросъ, что съ нимъ,—онъ, волнуясь и глотая слезы, сказалъ мнѣ слѣдующее: „вы видите предъ собою человѣка, вся жизнь котораго, не нынче—завтра можетъ быть разбита. У меня былъ пріятель—товарищъ моей молодости. У него служилъ лакеемъ человѣкъ дерзкій и нечистый на руку. Однажды, когда эти его свойства проявились въ особенно очевидной и рѣзкой формѣ, мой пріятель потерялъ, наконецъ, терпѣніе и отказалъ ему отъ мѣста. Черезъ нѣсколько дней рассчитанный слуга явился съ заявленіемъ, что поѣдетъ искать счастья „въ провинцію“ и съ мольбою взять временно вмѣсто него въ услуженіе его жену, такъ какъ ѣхать вдвоемъ на неизвѣстность будетъ слишкомъ „накладно“. Эта просьба была исполнена, и у моего пріятели поселилась молодая, скромная и услужливая хорошенькая женщина. Мужъ ея не возвращался и

не давалъ о себѣ никакихъ вѣстей, Такъ прошло почти три года... Но „врагъ силенъ“, и на четвертый годъ у нея родилась дочь, которую она, по требованію моего пріятеля, отдала въ воспитательный домъ. Однако, материнское чувство проснулось въ ней съ такою силой, что она стала тосковать и чахнуть безъ ребенка и, наконецъ, въ виду ея слезъ и горя, ей было разрѣшено взять ребенка назадъ. Но скоротечная чахотка уже подтачивала ея силы, и вскорѣ она умерла. Дѣвочка осталась у моего пріятеля—своего отца—и оказалась прелестнымъ, живымъ и умнымъ ребенкомъ, особенно полюбившимъ меня. „Дядя Вася! Дядя Вася!“ кричала она, хлопая рученками, когда я приходилъ, лѣзла ко мнѣ на колѣна, цѣловала меня и обнимала и, наконецъ, при моей помощи, усаживалась ко мнѣ на плечо, и я, къ великому ея восторгу, начиналъ ее „возить“ по комнатамъ. Я очень полюбилъ маленькую Катю, носилъ ей игрушки и лакомства и часто ловилъ себя на томъ, что иду къ пріятелю не для него, а ради чистыхъ дѣтскихъ ласкъ и невиннаго взора ясныхъ голубыхъ глазокъ. Разъ онъ пришелъ ко мнѣ разстроенный и повѣдалъ, что рѣшилъ жениться, сдѣлавъ предложеніе свѣтской дѣвушкѣ, которая и приняла таковое, но, узнавъ отъ него о существованіи маленькой Кати, рѣшительно объявила ему, что ея нога не переступитъ его порога до тѣхъ поръ, покуда онъ не разстанется безповоротно и на всегда съ этимъ ребенкомъ. „День нашей свадьбы намѣченъ,—сказалъ онъ,—распоряженія о приданомъ сдѣланы, и несостоявшійся бракъ нашъ произведетъ цѣлый скандалъ. Да, при томъ, я люблю мою невѣсту, несмотря на черствость этого ея требованія. Ты любишь Катю, а она къ тебѣ привязана, какъ къ родному отцу. Возьми ее къ себѣ, облегчи меня!“ Я не заставилъ повторять себѣ это предложеніе и съ радостью водворилъ у себя Катю, которой уже было четыре года. Она вскорѣ освоилась съ новой обстановкой и внесла въ мою унылую холостую квартиру жизнь, тепло и свѣтъ. Я тутъ узналъ, какое это счастье о комъ-нибудь заботиться не во исполненіе поставленнаго себѣ долга, а по горячей привязанности,—узналъ, какое невыразимое наслажденіе испытываешь, слѣдя за постепеннымъ развитіемъ ума и сердца ребенка. Я водилъ ее гулять, сидѣлъ у ея постельки, когда она засыпала, умиралъ душевно и воскресалъ, слѣдя за ходомъ ея дѣтскихъ болѣзней, и нетерпѣливо работалъ въ своемъ присутствіи, подбодряя себя мыслью, что вотъ—вотъ служебные часы окончатся, и я снова услышу топотъ ея маленькихъ ножекъ, радостный смѣхъ и восклицаніе: „папа! ахъ, папа!“ Да! она незамѣтно перешла отъ „дяди“ къ „пацѣ“. Мужъ ея матери пропалъ безъ вѣсти, какъ въ воду канулъ. Между тѣмъ, былъ обнародованъ новый поря-

докъ усыновленія, и я, конечно, поспѣшилъ удочерить Катю, а затѣмъ, когда она подросла, отдалъ ее въ институтъ. Я жилъ только ею и для нея... Съ понедѣльника до четверга и съ пятницы до воскресенья для меня тянулись сѣрые, безцвѣтные дни. Но за то въ четвергъ и въ воскресенье я уже съ утра съ волненіемъ ждалъ часа, когда я могу явиться въ институтъ для свиданія съ моей ненаглядной. Во время праздничныхъ и лѣтнихъ вакацій мы съ ней путешествовали, и такъ постепенно изъ нея выработалась очаровательная дѣвушка. Ей осталось пребывать въ институтѣ годъ. Но вотъ—недѣли двѣ тому назадъ мнѣ сказали, что на кухню пришелъ неизвѣстный человѣкъ и настойчиво желаетъ меня видѣть по дѣлу. Грязно одѣтый, съ опухшимъ лицомъ и легкимъ запахомъ спирта, незнакомецъ нагло спросилъ меня: „не узнаете-съ?“ — Нѣтъ! — „Лакей вашего пріятеля, можетъ, изволите вспомнить?“ — Ахъ, это вы?!. Гдѣ же вы были болѣе двадцати лѣтъ? — „Я-то-съ?! Вы спросите, гдѣ я не былъ! И въ Симферополѣ былъ, и въ Курскѣ пожарнымъ состоялъ, и въ Ташкентѣ при клубѣ служилъ, и съ острогомъ знакомство получилъ. А нынѣ вотъ прибылъ въ столицу“. — Какое же у васъ ко мнѣ дѣло?—У меня-то-съ? Да вотъ на счетъ моей дочки.—Какой дочери?!—А вотъ этой самой, что вы воспитываете. Я это все доподлинно узналъ и очень васъ благодарствую за попеченіе объ ней. А теперь желаю ее видѣть, такъ какъ я—родитель.—Какой же вы родитель?—сказалъ я ему, уведя его въ кабинетъ,—вѣдь, дѣвочка родилась почти черезъ четыре года послѣ того, какъ вы скрылись изъ Петербурга.—Да, это—точно, что супруга моя забыла, что въ законѣ должна жить, и вела себя—извините—распутно, да только я ее—покойницу—прощаю и поминать стараго не желаю, а дочка—моя по всѣмъ правамъ. Она, вѣдь, и записана была въ метрику, какъ рожденная женой кронштадтскаго мѣщанина, состоящей въ законномъ бракѣ и фамилію мою должна носить. Такъ тому, значить, и быть!. А я покойницу прощаю!“,—вновь повторилъ онъ мнѣ, нагло смотря мнѣ въ лицо.—Она мной удочерена,—отвѣтилъ я—и нынѣ считается дочерью дѣйствительнаго статскаго совѣтника и носить мою фамилію.—Да, это точно, что вы все это изволили исхлопотать, а только, вѣдь, для усыновленія нужно согласіе родителей, а вы меня, осмѣлюсь спросить, о моемъ согласіи спрашивали? Да я бы его и не далъ, потому что послѣ моей горемычной жизни очень мнѣ лестно дочку имѣть, которая мою старость покоить будетъ.—Да вы съ ума сошли?! Между нею и вами ничего нѣтъ общаго!—„Ну, это уже судъ разсудить промежь насъ. Я, хотя человѣкъ и необразованный, но понятіе о себѣ тоже имѣю, да и повѣренный у меня есть человѣкъ знающій и дѣло мое по-

ведеть, что какъ, значить, мою дочь удочерили безъ моего согласія. Ну, да это еще потомъ видно будетъ, а теперь, ваше превосходительство, дозвольте узнать, гдѣ находится моя дочь: у васъ или въ какомъ другомъ мѣстѣ? Очень желаю ей объявиться и разговоръ съ ней имѣть по-родительски. Впрочемъ, коли для васъ это безпокойно—вонъ вы какъ въ лицѣ изволили перемѣниться—такъ вы сейчасъ не безпокойтесь: я и черезъ недѣлку могу зайти. Только занятій-то я себѣ не могу найти, покуда еще не знаю, какъ съ дочкой намъ быть; проживаеься очень въ Петербургѣ. Можетъ, вы, какъ благодѣтель моей дочери, и мнѣ малость поможете“... Я далъ этому мерзавцу денегъ, но вчера онъ пришелъ опять и уже прямо требуетъ денегъ и грозитъ предъявить искъ, употребляя разныя техническія выраженія, изъ которыхъ я вижу, что за нимъ стоитъ какой-нибудь кляузникъ и что этимъ вымогательствамъ не будетъ конца. Вѣдь не могу же я допустить, чтобы этотъ грязный и полупьяный бродяга пришелъ въ институтъ и полѣзъ съ объятіями къ моей чистой дѣвочкѣ, считающей себя моей дочерью. Вы только представьте себѣ ея испугъ и отвращеніе! Вы представьте, что произойдетъ въ ея душѣ! Ахъ, я этого не перенесу! Я, кажется, съ ума сойду!“..—И онъ всплеснулъ руками и горько заплакалъ. „А знаешь ты, что значить—когда мужчина плачетъ?“, спрашиваетъ Лермонтовъ.

Если семейныя дѣла приподняли для насъ во многихъ случаяхъ завѣсу наружнаго мира и согласія въ семьѣ, за которой часто таились жестокость и насиліе, надругательство и бездушіе, то съ другой стороны дѣла о наслѣдствахъ нерѣдко являли собою картину человѣческаго легкомыслія, непредусмотрительности и даже прямой глупости. Къ нимъ прежде всего относились тѣ случаи, когда на-лицо вовсе не было завѣщательныхъ распоряженій и наслѣдниками являлись отдаленные, часто завѣщателю лично совершенно незнакомые родственники, выползавшіе изъ какой-нибудь провинціальной глуши и предъявлявшіе свои права въ то время, когда послѣ покойнаго оставались вѣбращныя дѣти и ихъ мать, отдавшая ему всю жизнь и подчасъ свое доброе имя и стоявшая по отношенію къ нему въ положеніи супруги, лишь по какимъ-нибудь случайнымъ или неотвратимымъ причинамъ не могшей освятить свой союзъ церковнымъ вѣнчаніемъ. Такая женщина и ея дѣти или другіе близкіе къ покойному люди, представлявшіе его истинное душевное родство—ту *Wahlverwandschaft*, такъ ярко обрисованное Гёте—оказывались безъ куска хлѣба, сразу лишенными привычной обстановки и средствъ на образованіе и воспитаніе въ пользу отдаленныхъ законныхъ наслѣдниковъ, „томимыхъ стяжанья лихорадкой“.

По одному изъ такихъ дѣлъ ко мнѣ, какъ предсѣдателю департамента палаты, съ просьбой о скорѣйшемъ назначеніи его къ слушанію, явилась раскрашенная дама, съ ухватками „жертвы общественнаго темперамента“ высшаго полета и нестерпимымъ запахомъ духовъ, развязно заявившая мнѣ, что она совсѣмъ не знаетъ того, кому она наслѣдуетъ, и лишь слышала о немъ, что онъ жилъ съ какой-то женщиной и имѣетъ отъ нея четырехъ дѣтей. „Придется, сказала она съ наглою усмѣшкой, отвалить имъ сотняжки три на бѣдность“. Настоящая „meretrix gaudens“ надъ „flens Matrona“. И происходило все это отъ легкомысленнаго откладыванія составленія завѣщанія и нежеланія утруждать себя скучнымъ вопросомъ о его писаніи, приглашеніемъ свидѣтелей или путешествіемъ къ нотариусу. „Завтра... успѣю“..., говорится обыкновенно въ этихъ случаяхъ въ забвеніи, что смерть приходитъ, „яко тать въ нощи“,—или въ томъ состояніи тупоумнаго самодовольства, которое такъ прекрасно обрисовано Толстымъ въ „Смерти Ивана Ильича“, въ разсужденіяхъ пріѣхавшихъ на панихиду, что *это* могло случиться только съ Иваномъ Ильичемъ. Затѣмъ здѣсь часто играетъ роковую роль суевѣрная боязнь составить завѣщаніе, за которымъ будто бы, обыкновенно, слѣдуетъ кончина. Это эгоистическое малодушіе бываетъ причиной горькихъ слезъ и невольныхъ упрековъ, обращенныхъ къ памяти покойнаго. Замѣчательно, что эта суевѣрная боязнь существуетъ и у людей, принадлежащихъ къ такъ называемой интеллигенціи. Не вѣруя, какъ выражается былина о Васкѣ Буслаевѣ, „ни въ сонъ, ни въ чохъ, ни въ птичій грай“, и заявляя объ этомъ при всякомъ удобномъ случаѣ, нѣкоторые изъ этихъ лицъ втайнѣ думаютъ, что смерть только и ждетъ того момента, когда они „разсудятъ за благо изъявить свою послѣднюю волю“... Владимиръ Даниловичъ Спасовичъ не разъ говаривалъ: „Я понимаю, что можно умереть безъ завѣщанія, но я не понимаю, какъ можно жить безъ завѣщанія“. Наконецъ, третьей причиной обездоленія дѣйствительно близкихъ людей является склонность многихъ, даже составляющихъ завѣщаніе, хранить это въ строжайшемъ секретѣ, даже отъ тѣхъ друзей и хорошихъ знакомыхъ, которые, въ качествѣ юристовъ, могли бы дать добрый совѣтъ относительно формы и существенныхъ условій завѣщанія. Отсюда нарушение безусловныхъ требованій закона въ изложеніи завѣщанія, отсутствіе необходимыхъ оговорокъ или недостаточное число свидѣтелей, или приглашеніе въ свидѣтели тѣхъ лицъ, которымъ завѣщается имущество, или несогласное съ закономъ распоряженіе этимъ имуществомъ, или, наконецъ, воспрещенная закономъ *субституція*, т. е. обязаніе наслѣдника въ свою очередь назначить наслѣдниками по тому же имуществу указанныхъ

завѣщателемъ лицъ. Многіе не знаютъ, что можно одно и то же имущество оставить въ собственность одному лицу и въ пожизненное владѣніе другому, и вмѣсто такого вполне законнаго распоряженія оставляютъ имущество въ собственность, обязывая собственника въ свою очередь завѣщать это имущество определенному лицу, т. е. устанавливаютъ субституцію, противорѣчащую самой идеѣ однократнаго перехода наследственнаго имущества и потому недопустимаго. Очень часто такія завѣщанія, бѣглый просмотръ которыхъ свѣдущимъ лицомъ устранилъ бы всѣ эти недостатки, бывають наполнены разными лирическими отступленіями или заявленіями и наставленіями, совершенно неумѣстными въ строгомъ и точномъ актѣ изъявленія послѣдней воли. Мнѣ приходилось видѣть завѣщанія съ длинными объясненіями, почему отъ наследства устраняются ближайшіе по закону родственники, наполненными упреками, укорами и сведеніемъ разныхъ личныхъ счетовъ; и завѣщанія, въ которыхъ одинъ изъ супруговъ въ средину своихъ имущественныхъ распоряженій вставлялъ покаянiе предъ оставшимся въ живыхъ супругомъ въ томъ, что былъ ему не вѣренъ, объясняя это разными моральными и фізіологическими основаніями. Практика кассационнаго суда въ мое время очень, чтобы не сказать чрезмѣрно, строго относилась къ соблюденію всѣхъ формальностей въ текстѣ и внѣшнемъ видѣ завѣщанія и часто приходилось предвидѣть, что „послѣдняя воля“, неумѣло выраженная или облеченная въ произвольную форму, можетъ оказаться безсильной противъ наследованія по закону, котораго именно и не желаетъ завѣщатель. Я уже не говорю объ отсутствіи точности въ именованіи наследниковъ или различныхъ учрежденій, о которыхъ приходится догадываться. Однимъ изъ выдающихся примѣровъ такого рода неточности служитъ завѣщаніе вдовы заслуженнаго сенатора, оставившей крупный капиталъ „юридическому обществу“ (въ Россіи таковыхъ двѣнадцать!) для выдачи изъ 0/0 съ него недостаточнымъ дочерямъ лицъ судебнаго вѣдомства приданаго при выходѣ ихъ замужъ. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь разумѣлось „Благотворительное общество судебнаго вѣдомства“, которое въ концѣ въ концовъ и получило этотъ капиталъ въ свое распоряженіе.

По закону наследникамъ по завѣщанію предоставляется право отказаться отъ наследства. Къ сожалѣнію, у насъ этотъ отказъ долженъ дѣлаться во множествѣ случаевъ совершенно гадательно. Въ Западной Европѣ и въ особенности во Франціи существуетъ возможность по особымъ книгамъ и записямъ въ точности опредѣлить размѣръ долговъ умершаго и сообразно съ этимъ видѣть, на сколько выгодно получить завѣщанное имъ имущество, потому что, наслед-

никъ, принявшій завѣщанное имущество, обязанъ отвѣчать за долги наследодателя. Эта обязанность существуетъ и у насъ. Но, рядомъ съ нею, нѣтъ никакой законной возможности удостовѣриться въ числѣ, родѣ и размѣрѣ долговъ наследодателя, почему приходится принимать наследство, слѣпо довѣряя, что съ нимъ не связанъ иногда очень большой матеріальный ущербъ вслѣдствіе скрытности умершаго или тайны, въ которую онъ облакалъ свои денежные сдѣлки. Мнѣ вспоминается дѣло потомковъ одного маркиза, занимавшаго очень видное мѣсто въ русской службѣ и даже, какъ говоритъ преданіе, дававшего своеобразное названіе прилегающей къ Петербургу части Финскаго залива. Одинъ изъ ближайшихъ его потомковъ оставилъ малолѣтнихъ дѣтей, надъ которыми учреждена была обычная у насъ, столь часто небрежная, опека. Она приняла завѣщанное недвижимое имущество, а затѣмъ, когда дѣти достигли совершеннаго возраста, на нихъ, торопясь не пропустить десятилѣтней давности, набросились притаившіеся кредиторы покойнаго и не только отобрали у нихъ небольшое имущество, которое имъ досталось, но, предъявивъ исполнительные листы по мѣсту ихъ служенія, стали забирать значительную часть изъ ихъ содержанія.

Изъ дѣлъ о наследованіи по закону у меня осталось въ памяти оригинальное дѣло объ утвержденіи въ правахъ наследства къ имуществу извѣстнаго директора Николаевской желѣзной дороги Ивана Ѳедоровича Кенига—брата его Іосифа Ѳеофиловича Кѣнига. Когда, входя въ вагонъ, Иванъ Ѳедоровичъ упалъ и умеръ отъ разрыва сердца, полицейскою властью былъ составленъ протоколъ, а судебнымъ приставомъ охранено имущество покойнаго, представлявшее большую цѣнность въ деньгахъ, процентныхъ бумагахъ и драгоценныхъ камняхъ. Кенигъ былъ холостой и жилъ одиноко. Мировой судья сдѣлалъ установленный вызовъ наследниковъ, для явки которыхъ положенъ шестимѣсячный срокъ. До истеченія этого срока въ окружный судъ поступило ходатайство Краковскаго жителя Іосифа Ѳеофиловича Кенига, въ которомъ онъ, доказывая предъявленіемъ надлежащей метрической выписки изъ мѣстной римско-католической консисторіи, что у Ѳеофила Кенига, переселившагося въ Галицію послѣ польскаго возстанія 1831 года, было два сына—Иванъ и онъ, Іосифъ, объяснялъ, что умершій Иванъ Ѳедоровичъ былъ въ дѣйствительности его братомъ Иваномъ Ѳеофиловичемъ. Измѣненіе отчества Ивана произошло, по объясненію просителя, слѣдующимъ образомъ: замѣшанный въ возстаніи Ѳеофилъ долженъ былъ эмигрировать, но, памятуя доброе къ себѣ расположеніе принца Виртембергскаго, стоявшаго во главѣ управленія путями сообщенія, онъ рѣшился отправить своего старшаго сына въ

Петербургъ для поступленія во вновь открытый институтъ инженеровъ путей сообщенія, при чемъ, во избѣжаніе недружелюбнаго отношенія къ сыну, просилъ принца приказать именоватъ сына не Теофиловичемъ, а Федоровичемъ, что и было благосклонно исполнено. Такъ въ качествѣ Ивана Федоровича будущій директоръ Николаевской желѣзной дороги и окончилъ курсъ. Окружный судъ, находя недоказаннымъ тождество Ивана Федоровича съ Иваномъ Теофиловичемъ, въ ходатайствѣ Іосифа Кенига объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства отказалъ. При разсмотрѣніи въ судебной палатѣ апелляціоннаго отзыва просителя его повѣренный просилъ выдать ему свидѣтельство на полученіе изъ архива института путей сообщенія прошенія Теофила Кенига объ опредѣленіи его сына Ивана въ число воспитанниковъ. Мы выдали свидѣтельство, но оказалось, что архивъ института сгорѣлъ въ 1849 году. Тогда было постановлено вызвать духовника Ивана Федоровича Кенига, ксендза Жолтека, настоятеля церкви Св. Екатерины на Невскомъ, который, по словамъ повѣреннаго, долженъ былъ удостовѣрить тождество Теофиловича и Федоровича. Оказалось, что за нѣсколько дней до засѣданія, въ которомъ предстоялъ его допросъ, ксендзъ Жолтекъ умеръ. Тогда повѣренному было выдано свидѣтельство на представленіе исповѣдныхъ книгъ, гдѣ должны были быть записи Жолтека съ именованіемъ Ивана Федоровича по его дѣйствительному отчеству. Судьба, однако, и тутъ была противъ просителя: исповѣдныя книги оказались сгорѣвшими. Оставалось утвердить рѣшеніе окружнаго суда. Но тутъ повѣренный, какъ утопающій, схватился за соломенку: ему пришло въ голову, что Жолтекъ, завѣдывавшій хозяйственной администраціей церкви, могъ сдѣлать разныя распоряженія по поводу торжественныхъ похоронъ виднаго прихожанина, всѣми любимаго и уважаемаго директора Николаевской желѣзной дороги. И дѣйствительно, ему удалось представить въ палату письменное распоряженіе Жолтека объ убранствѣ храма чернымъ сукномъ по случаю торжественной церемоніи похоронъ Ивана *Теофиловича* Кенига, каковая совпала день въ день и часъ въ часъ съ похоронами Ивана Федоровича Кенига. Мы вызвали экспертовъ, которые единогласно удостовѣрили, что распоряженіе писано несомнѣннымъ почеркомъ ксендза Жолтека. Тогда палата утвердила Іосифа Кенига въ правахъ наслѣдства къ его брату. Но судьба продолжала иронизировать надъ счастливымъ наслѣдникомъ, очевидно, желая до конца испытать его терпѣніе, прежде чѣмъ дать ему возможность осуществить свои права. Недѣли черезъ двѣ послѣ рѣшенія палаты онъ пришелъ въ неѣ съ растеряннымъ видомъ и съ заявленіемъ, что ему наслѣдства не выдаютъ. Оказалось, что мировой судья, къ ко-

тому онъ обратился съ просьбою о снятіи охраны и о передачѣ ему имущества брата, отказалъ въ этомъ, ссылаясь совершенно правильно на то, что онъ вызывалъ въ шестимѣсячный срокъ наследниковъ къ Ивану Ѳедоровичу Кенигу, теперь же оказывается, что скончался не Иванъ Ѳедоровичъ, а Иванъ Ѳеофиловичъ Кенигъ, къ имуществу котораго онъ долженъ вызвать наследниковъ въ новый шестимѣсячный срокъ и лишь по истеченіи такового имущество можетъ быть передано краковскому обывателю.

Обширную группу дѣлъ, сосредоточенныхъ въ первомъ департаментѣ палаты, составляли иски лицъ, потерпѣвшихъ вредъ или убытокъ вслѣдствіе смерти своихъ близкихъ или поврежденія своего здоровья, причиненныхъ при эксплуатациіи желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ сообщеній. При свойственныхъ намъ вообще небрежности и „рукавопустіи“ въ исполненіи своихъ обязанностей, съ одной стороны, и поразительной неосторожности и непредусмотрительности, съ другой, несчастные случаи на пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ давали и даютъ обильный матеріалъ для подобныхъ дѣлъ, въ которыхъ, въ особенности къ дѣйствіямъ низшихъ агентовъ, имѣютъ особое примѣненіе знаменитыя „авось“ и „кое-какъ“. Изъ дѣлъ этого рода приходилось убѣждаться, что разные низшіе служащіе, преимущественно на желѣзныхъ дорогахъ,—смазчики, сцѣпщики, кочегары, путевые сторожа и кондукторы зачастую ради ускоренія работы, а иногда и по лѣни, дѣйствуютъ съ невѣроятной неосторожностью: не ждутъ полной остановки поѣзда, вскакиваютъ и выскакиваютъ на ходу, пролѣзаютъ подъ готовыми двинутся вагонами, чтобы избѣжать обхода ихъ для смазки колесъ съ другой стороны, относятся съ безоглядой безпечностью къ маневрирующему локомотиву и т. п. А отсюда многочисленные случаи увѣчій и даже смерти. Истцы по этимъ дѣламъ поставлены однако въ исключительное положеніе. Согласно общему правилу гражданскаго процесса, истецъ долженъ доказать свой искъ, т. е. въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ отыскиваетъ убытки и ущербы, привести данныя, свидѣтельствующія о томъ, что таковыя причинены дѣйствіемъ или упущеніемъ отвѣтчика, на которомъ лежитъ лишь обязанность доказать, что онъ исполнялъ предписанія закона или требованіе власти, находился въ состояніи необходимой обороны или, наконецъ, былъ подъ давленіемъ непреодолимой силы. Иными словами, тяжесть доказыванія, такъ называемый *onus probandi*, лежитъ на истцѣ. Но по дѣламъ желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ обществъ этотъ *onus probandi* перемѣщенъ на отвѣтчика, и на управленіе желѣзной дороги или пароходнаго общества возложена очень трудно осуществимая обязанность доказывать, что смерть или увѣчье произошли по собствен-

ной винѣ погибшаго или изувѣченнаго. Понятно, что при такихъ условіяхъ, когда виновность желѣзной дороги или пароходнаго общества, такъ сказать, предполагается въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, возможность получить единовременное или періодическое вознагражденіе со стороны общества представляетъ не малый соблазнъ даже и для тѣхъ пострадавшихъ, которые не могутъ не сознавать, что несчастье произошло съ ними по ихъ собственной оплошности, но въ то же время знающихъ, что главнымъ и часто единственнымъ свидѣтелемъ этой оплошности были лишь они сами. Легкость предъявленія такихъ исковъ и расчетъ на ихъ почти несомнѣнный выигрышъ создали особую профессію ходатаевъ по подобнаго рода дѣламъ. Эти господа, сами и чрезъ своихъ агентовъ, собирали свѣдѣнія о всѣхъ подобнаго рода несчастіяхъ и предлагами свои услуги для начатія дѣлъ, нерѣдко обольщая неграмотнаго и темнаго потерпѣвшаго перспективой огромнаго вознагражденія. Въ Москвѣ и Петербургѣ заведены были даже спеціальныя конторы для предъявленія подобнаго рода исковъ, при чемъ, конечно, львиную долю присужденной суммы за свою, въ сущности весьма несложную, работу получали „благодѣтели человечества“, богатѣвшіе на чужомъ несчастіи. Изъ многихъ дѣлъ было видно, что даже въ случаяхъ явной неосторожности со стороны потерпѣвшаго управленіе дороги, если онъ принадлежалъ къ числу низшихъ служащихъ, во избѣжаніе процесса, исходъ котораго предугадать было трудно, давало ему нѣныя, обезпечивающія его, служебныя обязанности на дорогѣ, исполнять которыя полученное имъ поврежденіе не препятствовало. Но въ одинъ прекрасный день, предъ истеченіемъ давностнаго срока, къ вполне довольному своимъ положеніемъ являлся искустель въ лицѣ ходатая, сулилъ ему золотыя горы и убѣждалъ начать дѣло, что влекло за собою обыкновенно увольненіе истца со службы, такъ какъ управленіе желѣзной дороги не желало становиться тѣмъ воломъ, съ котораго деруть двѣ шкуры. По дѣлу же, дошедшему до суда, обнаруживались обстоятельства, по которымъ искъ не могъ быть удовлетворенъ, несмотря на крокодиловыя слезы повѣреннаго о жертвѣ нашихъ порядковъ. Потерпѣвшій оказывался лишившимся мѣста и присужденнымъ къ судебнымъ издержкамъ, а у его повѣреннаго, особливо, если онъ былъ „ходатай по чужимъ дѣламъ“, оставалось въ рукахъ обязательство объ уплатѣ ему за веденіе дѣла—иногда даже полученной впередъ—съ предусмотрительнымъ ощущеніемъ оговорки о томъ, что эта плата получается съ *присужденной* суммы.

По этимъ дѣламъ возникалъ весьма важный вопросъ о томъ, какъ толковать слово „эксплоатація“ желѣзной дороги

или пароходнаго сообщенія. Это иностранное слово чуждо русскому языку и имѣеть нѣсколько значеній, при чемъ главное изъ нихъ, состоящее въ понятіи извлеченія выгодъ, въ разговорномъ языкѣ одинаково примѣняется къ разработкѣ или пусканію въ ходъ какого-либо изобрѣтенія,—къ пользованію своимъ имуществомъ,—къ корыстному или психическому насилію надъ чувствами близкихъ и любящихъ и, наконецъ, къ преступному вымогательству путемъ угрозъ разоблаченіями, именуемымъ шантажемъ. Практика кассационнаго суда была и остается, повидимому, до сихъ поръ крайне неустойчивой: въ ней эксплуатація желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ предпріятій то толкуется, какъ дѣятельность, направленная къ извлеченію дохода изъ всего предпріятія, т. е. и изъ принадлежащихъ желѣзной дорогѣ заводовъ, мастерскихъ и другихъ имуществъ, то—какъ дѣятельность, направленная къ перевозкѣ пассажировъ, багажа, почты и грузовъ, то—какъ дѣятельность, состоящая не въ извлеченіи выгодъ, а въ тѣсной связи съ перевозкой, то—какъ осуществленіе *хозяйственной* стороны предпріятія и т. д. Поэтому къ эксплуатаціи желѣзной дороги то относились заводы и мастерскія, то исключались изъ нея зданія и помещенія для рабочихъ, служащихъ на дорогѣ, и желѣзно-дорожныя больницы, а также каменоломни, хотя бы камень изъ нихъ добывался для нуждъ дороги. Очевидно, что при этой путаницѣ понятій представлялось необходимымъ установить опредѣленную точку зрѣнія на значеніе слова эксплуатація, тѣмъ болѣе, что отъ этого зависѣло признаніе въ каждомъ дѣлѣ, на комъ должна лежать тяжесть доказыванія. Мы остановились на томъ соображеніи, что извлеченіе выгодъ изъ заводовъ, мастерскихъ и всѣхъ подобнаго рода учрежденій совершенно одинаково по своимъ свойствамъ и условіямъ для всякаго владѣльца этихъ учрежденій и что не представляется никакихъ разумныхъ основаній къ тому, чтобы хозяинъ паровознаго завода или мастерской для желѣзнодорожныхъ принадлежностей вообще отвѣчалъ и защищался иначе, чѣмъ желѣзная дорога, имѣющая такую мастерскую или такой заводъ, и чтобы рабочій, потерпѣвшій увѣчья отъ упавшей тяжести на частномъ заводѣ, обязанъ былъ доказывать, что это произошло по винѣ завѣдующихъ заводомъ, а на заводѣ, принадлежащемъ желѣзной дорогѣ, иногда отстоящемъ на нѣсколько верстъ отъ рельсоваго пути, этой обязанности на немъ не лежало. Справедливость и послѣдовательность требуютъ, чтобы въ обоихъ случаяхъ примѣнялась одинаковая обязанность доказывать, возлагаемая или на истца, или на отвѣтника. Намъ казалось несомнѣннымъ, что исключительно выгодное положеніе, въ которое поставленъ потерпѣвшій увѣчье или родные

лишившагося жизни, вызваны той особой опасностью, которая обуславливается движеніемъ по рельсамъ и дѣйствіями, сопровождающими нагрузку, выгрузку, спѣлку, смазку и т. п., а также входомъ въ вагоны и выходомъ изъ нихъ при быстротѣ и срочности движенія и т. д. и что поэтому подъ эксплуатаціей надо понимать исключительно пользованіе рельсовымъ путемъ и тѣсно связанными съ движеніемъ по нему мѣстами остановокъ, храненія кладей и переѣздовъ. Въ этомъ смыслѣ у насъ состоялся цѣлый рядъ рѣшеній, не встрѣтившихъ отмѣны со стороны Сената, одно время признававшего наше толкованіе правильнымъ.

Изъ дѣлъ, вызвавшихъ особое общественное вниманіе и потребовавшихъ отъ насъ большого труда, мнѣ вспоминаются въ особенности дѣло общества водопроводовъ объ устройствѣ фильтра и дѣло учредителей главнаго общества желѣзныхъ дорогъ съ этимъ обществомъ. Въ 1858 году учредилось въ Петербургѣ акціонерное общество водопроводовъ, „для доставленія—какъ значилось въ ст. 81 его устава—жителямъ Петербурга средства пользоваться во всякое время свѣжею и чистою водою посредствомъ особаго гидротехническаго устройства“. Такимъ устройствомъ является фильтръ для просачиванія невской воды, давно уже загрязняемой всякими отбросами. Его надлежало устроить и соорудить въ такъ называемомъ „Ковшѣ“ около водопроводной башни на берегу Невы, противъ нынѣшняго помѣщенія Государственной Думы въ Таврическомъ дворцѣ. Это являлось обязательнымъ для общества водопроводовъ на основаніи 1, 10 и 14 ст. его устава. Но общество, во главѣ котораго стоялъ будущій министръ финансовъ И. А. Вышнеградскій, считая, что устройствомъ небольшого фильтра въ 1863 году, оказавшагося при томъ неудачнымъ для пропуска воды, вслѣдствіе своего замерзанія, и устройствомъ затѣмъ цистернъ для процѣживанія воды,—оно выполнило свои обязанности, отказывалось устроить фильтры. А они были крайне нужны, по заключенію свѣдущихъ людей, въ цѣляхъ гигиеническихъ, и не для пропуска и процѣживанія невской воды съ вредными примѣсями, а для ея просачиванія и очищенія. Послѣ долгихъ и безплодныхъ переговоровъ городского управленія съ обществомъ, дума рѣшилась вслѣдствіе неустанныхъ и упорныхъ настояній своего гласнаго Стасюлевича, предъявить въ защиту своихъ правъ искъ противъ общества и возложила на него спеціальное веденіе этого дѣла. Въ виду многихъ привходящихъ вопросовъ, выросшихъ на дѣлѣ по бездѣятельности городской думы въ первое десятилѣтіе существованія общества, существо спора представлялось очень сложнымъ и запутаннымъ, отчего могло возникнуть искреннее мнѣніе о правотѣ общества со строго-цивилистической точки зрѣнія.

Такой взгляд имѣлъ одинъ изъ выдающихся гласныхъ думы, талантливый юристъ П. А. Потѣхинъ, сложившій съ себя званіе гласнаго, чтобы выступить повѣреннымъ со стороны общества. Къ нему присоединился, какъ юрисконсультъ общества, Спасовичъ, вообще строго и рѣзко отдѣлявшій въ дѣятельности своей въ области гражданской практики публичное право отъ частнаго и не любившій переходить отъ узкихъ рамокъ договорнаго спора къ общимъ соображеніямъ на почвѣ общественной пользы, столь сильно однако затронутой именно въ этомъ дѣлѣ. Городская дума вынуждена была призвать на помощь Стасюлевичу К. К. Арсеньева, вступившаго для веденія этого дѣла временно въ число присяжныхъ повѣренныхъ. Проигравъ дѣло въ окружномъ судѣ, общество перенесло споръ въ судебную палату. Засѣданіе палаты осенью 1884 г., при переполненной залѣ, заняло цѣлый день до поздняго вечера и представляло огромный юридическій интересъ. Рѣчи Потѣхина и Арсеньева явили собою подробнѣйшій разборъ вопроса во всѣхъ его мельчайшихъ подробностяхъ. Стасюлевичъ, отъ котораго многіе ожидали лишь общихъ соображеній общаго характера, удивилъ всѣхъ обширными экскурсіями въ чисто-правовую область, а Спасовичъ, быть можетъ, взволнованный тѣмъ, что долженъ былъ сражаться противъ сильныхъ и убѣжденныхъ противниковъ, которые въ то же время были его старыми друзьями, говорилъ страстно, жестикулируя болѣе обыкновеннаго, и окончилъ послѣднюю свою рѣчь даже не совсѣмъ умѣстнымъ обращеніемъ къ палатѣ съ указаніемъ на его увѣренность въ томъ „qu'il y a des juges à Berlin“. Судебная палата, послѣ продолжительнаго совѣщанія, вынесла единогласное рѣшеніе, которымъ признала общество водопроводовъ обязаннымъ устроить требуемый городомъ фильтръ въ теченіе четырехъ лѣтъ...

Въ дѣлѣ Главнаго общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ возникалъ весьма важный вопросъ о правахъ его учредителей на полученіе 6% изъ чистаго дохода общества. На основаніи устава общества 1861 года послѣ того, какъ оно было освобождено отъ обязанности построить Феодосійско-Либавскую желѣзную дорогу, учредителямъ было представлено право на полученіе 6% изъ чистаго дохода, остающагося за вычетомъ всѣхъ годовыхъ издержекъ по содержанію и дѣйствию всѣхъ *уступленныхъ* обществу желѣзныхъ дорогъ. Какъ извѣстно, въ шестидесятихъ годахъ правительство смотрѣло на желѣзныя дороги, какъ на частное предпріятіе хозяйственнаго характера, т. е. совершенно обратно тому, какъ стало смотрѣть въ концѣ восьмидесятихъ годовъ, когда оно усиленно выкупило большую часть желѣзнодорожныхъ

линій. Дѣйствуя въ первомъ направленіи, оно рѣшилось уступить Николаевскую дорогу частному обществу и, остановившись на двухъ главныхъ конкуррентахъ:—Товариществѣ московскихъ капиталистовъ и Главномъ обществѣ Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, въ которомъ главнымъ хозяиномъ по количеству имѣвшихся акцій былъ американецъ Уайненсъ, — оно послѣ разныхъ перипетій, ожидающихъ своего спеціального историка, отдало предпочтеніе послѣднему. Въ рукахъ энергичнаго американца, дорога тотчасъ же стала приносить огромный доходъ, тогда какъ по двумъ другимъ своимъ предпріятіямъ—Варшавской и Нижегородской дорогамъ—общество имѣло сравнительно ничтожную прибыль. Вслѣдствіе этого учредители общества, въ числѣ коихъ состояли французскій *Crédit Mobilier*, испанскій движимый кредитъ и разныя другія лица, основавшія это общество въ 1857 году, потребовали выдачи имъ 6°/_o съ чистаго дохода, принесеннаго Николаевской желѣзной дорогой въ теченіе десяти слишкомъ лѣтъ, и, не получивъ удовлетворенія, предъявили искъ въ суммѣ около пяти милліоновъ. Общество возражало, что учредители къ передачѣ ему Николаевской желѣзной дороги никакого отношенія не имѣютъ, и что дорога передана правительствомъ собранію акціонеровъ Главнаго общества, которые представляютъ собою особое акціонерное предпріятіе. Повѣренными сторонъ явились большія юридическія силы: со стороны истцовъ присяжный повѣренный Банкъ, тонкій и ученый цивилистъ, а со стороны отвѣтчика—извѣстный своимъ талантомъ, искусствомъ и блескомъ юридическихъ соображеній адвокатъ Пассоверъ, одна изъ крупнѣйшихъ величинъ въ русской адвокатурѣ. Засѣданіе происходило два дня—18 и 25 октября 1884 года. Въ первомъ изъ нихъ были единогласно разрѣшены очень сложные вопросы о постановкѣ исковыхъ требованій, о полномочіяхъ истцовъ и о давности, а во второмъ дѣло рассмотрѣно по существу. Засѣданіе продолжалось почти до полуночи. Повѣренные проявили огромную силу знанія и діалектики. Докладъ члена палаты Гуляева по своей системѣ и полнотѣ былъ образцовымъ. Мы совѣщались болѣе трехъ часовъ, при чемъ я разошелся во взглядахъ съ четырьмя моими товарищами, признавшими исковыя требованія не подлежащими удовлетворенію.

Я находилъ, что существенный вопросъ въ дѣлѣ тѣснымъ образомъ связанъ съ вопросомъ о сущности учредительской дѣятельности вообще, которая состоитъ въ выработкѣ идеи предпріятія, въ разработкѣ плана ея осуществленія на практикѣ, въ собраніи средствъ для устройства предпріятія и въ привлеченіи, путемъ возбуждаемаго учредителями довѣрія, матеріальныхъ силъ, необходимыхъ для правильной по-

становки и успѣха дѣла. Эта дѣятельность прекращается съ момента окончательнаго устройства предиріятія и вступленія въ силу устава, опредѣляющаго внутреннюю его организацію и порядокъ управленія имъ. Съ прекращеніемъ этой дѣятельности наступаютъ ея плоды—возмѣщеніе за потраченныя силы, время, средства. Это возмѣщеніе можетъ, между прочимъ, выразаться въ участіи въ прибыляхъ предиріятія, въ полученіи извѣстной части чистаго дохода съ него. Участіе учредителей въ прибыляхъ, *если оно прямо не ограничено напередъ опредѣленными условіями или срокомъ*, можетъ продолжаться во все время существованія устроеннаго ими предиріятія. У людей, положившихъ въ дѣло свои идеи, трудъ, капиталъ или имя, нельзя отрицать права на пользованіе результатами, которые дали эти идеи, труды и средства, если только результаты эти явились послѣдствіемъ развитія предиріятія въ томъ именно видѣ и направленіи, въ какомъ оно было учреждено. Неоспоримое право учредителей на участіе въ прибыляхъ предиріятія *вообще* содержитъ въ себѣ и основаніе для участія въ прибыляхъ развившагося въ *ширину*, но оставшагося неизмѣннымъ по *существу* и *цѣлямъ* предиріятія, ибо нельзя предполагать, чтобы учредители, основывая новое дѣло и выговаривая себѣ участіе въ доходахъ съ него, не рассчитывали на его развитіе и процвѣтаніе, а имѣли въ виду, что предиріятіе останется въ состояніи косности. Несомнѣнно, что учредители могутъ получить вознагражденіе лишь за то именно, что они задумали и привели въ исполненіе, а не за достиженіе постороннихъ предиріятію цѣлей, которыя вовсе не входили въ первоначальный планъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ учредители получили бы вознагражденіе за то, чего они вовсе не имѣли въ виду, собирая средства, теряя время, выработывая основанія и выясняя цѣли предиріятія. Поэтому, напримѣръ, учредители страхового отъ огня общества не могутъ участвовать въ прибыляхъ отъ операціи по страхованію отъ градобитія или страхованія жизни,—или учредители общества парходнаго пассажирскаго сообщенія не могутъ раздѣлять прибыль по принятой тѣмъ же обществомъ на себя водолазной операціи или по работамъ для углубленія фарватера. Но покуда предиріятіе движется по пути, начертанному учредителями, не измѣняя ни свойствъ, ни цѣлей, ни направленія, ни пріемовъ своей дѣятельности, до тѣхъ поръ, какъ бы широко ни развилась эта дѣятельность—учредители имѣютъ право на участіе въ прибыляхъ. Отдавая въ 1868 году дорогу Главному обществу и обезпечивая стоимость его акцій и облигацій, правительство, конечно, имѣло въ виду не случайное собраніе неизвѣстныхъ и вѣчно измѣняющихся лицъ, владѣющихъ акціями Главнаго общества, а цѣлюю

организацію, именуемую Главнымъ обществомъ, имѣющую свой спеціальнѣй уставъ. Передача желѣзной дороги изъ казенныхъ въ частныя руки знаменуетъ собою довѣріе правительства къ Главному обществу, обязанному этимъ правильному развитію началъ, положенныхъ въ его основу при учрежденіи его, и цѣлесообразному употребленію средствъ, на которыя оно основано. Но и начала эти и средства суть дѣло учредителей. Безъ нихъ общество не существовало бы и не могло бы никогда явиться конкурентомъ на приобрѣтеніе столь важнаго во всѣхъ смыслахъ пути, какъ Николаевская желѣзная дорога. Поэтому, участіе ихъ въ прибыляхъ отъ расширенія дѣятельности созданнаго ими предпріятія представляется вполне справедливымъ.

Въ этомъ смыслѣ мною было написано обширное „особое мнѣніе“, приложенное къ весьма объемистому рѣшенію палаты. Дѣло поступило въ кассационный департаментъ Сената, и Пассоверъ—мой товарищъ по университету и сослуживецъ по Московской прокуратурѣ судебной палаты,—ознакомившись съ этимъ мнѣніемъ, сказалъ мнѣ при встрѣчѣ, что находитъ его настолько убѣдительнымъ, что жалѣетъ о томъ, что не былъ повѣреннымъ учредителей, такъ какъ онъ убѣжденъ, что кассационный судъ согласится со мною. Мѣсяца черезъ три, встрѣтя меня въ Лѣтнемъ саду, онъ сказалъ мнѣ, что, получивъ свѣдѣнія о взглядахъ на это дѣло нѣкоторыхъ изъ сенаторовъ и оберъ-прокурора, правленіе Главнаго общества, испытывая серьезныя опасенія, что дѣло будетъ рѣшено согласно съ началами, изложенными въ моемъ „особомъ мнѣніи“, признало необходимымъ пойти съ учредителями на мировую, предложивъ имъ половину искомой суммы, на что тѣ и согласились.

Регулярность занятій въ палатѣ и отсутствіе волнующихъ душу впечатлѣній, а также добрыя и даже сердечныя отношенія съ товарищами по коллегіи составляли особо пріятную сторону этой моей службы, а явившійся навыкъ къ разрѣшенію гражданскихъ дѣлъ давалъ мнѣ небольшой досугъ для разработки практическихъ вопросовъ уголовнаго судопроизводства на основаніи опыта, вынесеннаго изъ дѣятельности въ окружномъ судѣ, при чемъ эти вопросы, на нѣкоторомъ отдаленіи отъ послѣдней, представлялись „изъ моего прекраснаго далѣка“ съ бѣльшей цѣльностью и ясностью. Съ чувствомъ искренняго уваженія вспоминаю я моихъ сослуживцевъ по департаменту—вдумчиваго знатока, неутомимаго работника и прекрасной души человѣка Александра Васильевича Гуляева (впослѣдствіи кассационнаго сенатора) и Егора Андреевича Матисена. Послѣдній былъ типическимъ представителемъ того поколѣнія привилегированныхъ-практиковъ, богатой школой для которыхъ были старыя

гражданскіе департаменты Сената, нынѣ упраздненныя. Если эти департаменты, какъ судебныя учрежденія, оставляли желать многого, по личному составу сенаторовъ и по условіямъ дѣлопроизводства, то, какъ школа для молодыхъ юристовъ, они представляли неоцѣненные достоинства. Далекое не всѣ сенаторы бывали знакомы съ гражданскимъ правомъ во всѣхъ его развѣтвленіяхъ. Званіе сенатора служило наградой за долгую службу, очень часто не имѣвшую никакого отношенія къ юстиціи. Заслуженные военные генералы, усталые директора департаментовъ, не поладившіе съ министрами товарищи министра, придворные чины, мѣсто которыхъ понадобилось очистить для другихъ путемъ созданія такъ называемаго золотого моста, безсильно и бесплодно могли заблудиться въ дебряхъ десятаго тома и дополнительныхъ къ нему узаконеній, если бы на помощь къ нимъ не приходила прекрасно составленная канцелярія въ лицѣ оберъ-прокуроровъ, оберъ-секретарей и секретарей. При томъ это были по большей части люди преклонныхъ лѣтъ, значительно перешедшіе за тотъ „*mezzo camin di postra vita*“, о которомъ говоритъ Дантъ, очутившійся въ лѣсу, и потому не менѣе его нуждавшіеся въ своемъ *Виргиліи*. Этимъ *Виргиліемъ* и являлась канцелярія старыхъ департаментовъ Сената. Въ ней, за ежедневнымъ напряженнымъ трудомъ, вырабатывались тѣ знатоки русскаго гражданского права, которые дали потомъ при введеніи судебной реформы контингентъ достойныхъ дѣтелей, поставившихъ нашъ гражданскій судъ по Судебнымъ уставамъ сразу на довлѣющую ему высоту. Въ то время, когда по новизнѣ дѣла и гораздо большей сложности уголовного судопроизводства, въ уголовныхъ дѣлахъ сказывалось отсутствіе опыта и неизбежность первое время по нѣкоторымъ вопросамъ бродить, такъ сказать, ощупью,—практика гражданскихъ судовъ съ первыхъ же шаговъ стала принимать опредѣленныя формы. Уголовному кассационному суду приходилось первые два-три года послѣ введенія реформы разъяснять коренные вопросы процесса,—гражданскому кассационному суду пришлось давать лишь авторитетныя указанія относительно толкованія матеріальнаго права. Въ настоящее время обширные сборники кассационныхъ рѣшеній, конечно, могутъ служить для людей, получившихъ высшее юридическое образованіе, цѣннымъ практическимъ пособіемъ, но они не въ состояніи замѣнить старую школу сенатской канцеляріи. Теперь, судьи гражданскихъ отдѣленій вербуются изъ секретарей судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ, изъ слѣдователей и городскихъ судей, а также—въ рѣдкихъ случаяхъ—и мировыхъ судей въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ послѣдніе еще остались послѣ тяжкихъ ударовъ, нанесенныхъ

въ 1889 году мировому институту. Но секретари общихъ судебныхъ мѣстъ и даже оберъ-секретари гражданскаго кассационнаго суда имѣютъ очень мало общаго съ чинами старыхъ сенатскихъ канцелярій. Въ лучшемъ случаѣ они *созерцаютъ* работу судей, присутствуя при ней и ведя протоколы судебныхъ засѣданій, но не готовятъ дѣлъ для разрѣшенія ихъ по существу и не составляютъ проектовъ рѣшеній. Ихъ роль слишкомъ пассивна. Судебные слѣдователи и товарищи прокурора въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда они попадаютъ въ члены суда, почти совсѣмъ не встрѣчаются въ своей предыдущей дѣятельности съ вопросами гражданскаго права, а кругъ дѣятельности мировыхъ и городскихъ судей по гражданскимъ дѣламъ слишкомъ узокъ и отличается однообразіемъ своего содержанія. Поэтому невольно возникаетъ тревога за будущее нашего гражданскаго суда, у котораго почти не оказывается необходимаго питомника.

До назначенія своего членомъ С.-Петербургской судебной палаты Матисенъ провелъ долгіе годы службы въ московскихъ и петербургскихъ департаментахъ Сената. Я засталъ его уже 68-лѣтнимъ старикомъ съ тонкими чертами лица нѣмецкаго типа и добрыми голубоватыми старчески-выцвѣтшими глазами. Онъ былъ воплощенная аккуратность и добросовѣстность. Несмотря на свои годы, онъ работалъ усидчиво и непрерывно съ тѣмъ сознаниемъ своего долга, въ которомъ сказывалось его происхожденіе. Доклады его отличались точностью и пунктуальностью, а въ рѣшеніяхъ, написанныхъ мелкимъ убористымъ почеркомъ, онъ не обходилъ ни одного затронутаго въ дѣлѣ вопроса безъ разрѣшенія, хотя бы ихъ можно было и оставить, отвѣтивъ въ томъ или иномъ смыслѣ на коренной вопросъ дѣла. Если къ этимъ свойствамъ присоединить вниманіе, удѣляемое имъ юридической литературѣ (его особенно интересовало право литературной собственности, и у меня хранится его книга „Das geistige Eigenthum“ Клостермана, испещренная на поляхъ рядомъ замѣтокъ), то можно было бы сказать, что въ его лицѣ я встрѣтилъ образцоваго судью-цивилиста. Но у него были *les défauts de ses qualités*. Его добросовѣстность подчасъ переходила въ безконечныя сомнѣнія, заставлявшія его иногда по нѣсколько разъ возвращаться къ уже рѣшенному вопросу и, какъ я шутливо выражался, „вступать въ пререканія съ самимъ собою“. Это чрезвычайно затягивало разсмотрѣніе дѣлъ и было особенно тягостно въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣшенію по существу должно было предшествовать обсужденіе предварительныхъ вопросовъ о подсудности, давности, смѣшеніи и соединеніи исковъ и т. п. Иногда этимъ вопросамъ посвящалось цѣлое засѣданіе съ тѣмъ,

чтобы въ слѣдующемъ за нимъ рѣшить дѣло по существу. Послѣ долгихъ и упорныхъ споровъ Матисенъ, наконецъ, соглашался съ мнѣніемъ товарищей (онъ не любилъ оставаться „при особомъ мнѣніи“), но въ слѣдующемъ засѣданіи снова подымалъ уже рѣшенный вопросъ, вызывая почтительный гнѣвъ этихъ же товарищей. По дѣлу общества взаимнаго поземельнаго кредита съ членами правленія, являвшимися отвѣтственными за двухмилліонную растрату, совершенную Юханцевымъ, эти пререканія Матисена съ самимъ собою дошли до того, что мы проектировали напечатать для него особые бланки, въ которыхъ говорилось бы: „по вопросу о... нахожу, что... и даю сію подписку въ томъ, что при дальнѣйшемъ обсужденіи дѣла болѣе спорить и прекословить не буду“.

Лютеранинъ, въ рѣчи котораго слышались германизмы (онъ говорилъ: инженеръ, ефангеліумъ и т. п.), онъ былъ горячимъ русскимъ патриотомъ, чему вѣроятно способствовалъ его бракъ съ прекрасной русской женщиной, разливавшей вокругъ себя тихій свѣтъ и тепло. Его перу принадлежитъ описаніе достопримѣчательностей Москвы, изложенное на французскомъ языкѣ, въ виду предстоявшей въ 1856 году коронаціи Императора Александра II, и интересное описаніе наводненія Петербурга въ 1824 году, коего онъ былъ очевидцемъ. Утонченно-вѣжливый, на старый, нынѣ забытый манеръ, гостепріимный и немного щепетильный, онъ бывалъ особенно интересенъ въ своихъ встрѣчахъ и бесѣдахъ съ Н. Н. Мясоѣдовымъ, предсѣдателемъ II гражданскаго департамента судебной палаты, будущимъ первоприсутствующимъ гражданскаго кассационнаго департамента Сената. Выдающійся юристъ и чудесный во всѣхъ отношеніяхъ человекъ, Мясоѣдовъ во всей своей повадкѣ представлялъ полную противоположность Матисену и, хотя послѣдній относился къ нему съ искреннимъ уваженіемъ и пріязнью, но громкій заикающійся голосъ Мясоѣдова, рѣзкія тѣлодвиженія и нервная непосѣдливость приводили старика въ смущеніе, а иногда вызывали въ немъ даже тревогу. Я не могу забыть того изумленія, съ которымъ Матисенъ слушалъ рассказы Мясоѣдова, уже бывшего сенаторомъ, о своихъ приключеніяхъ и разговорахъ съ [незнакомыми людьми въ вагонахъ и на имперіалѣ конокъ, при чемъ однажды, на заявленіе его, что онъ, въ качествѣ сенатора, обратитъ вниманіе на дѣло своего сосѣда по имперіалу, по словамъ послѣдняго рѣшенное неправильно, послѣдовали недоумѣнный взоръ собесѣдника, окинувшій суровую фигуру и бѣдный нарядъ Мясоѣдова, и презрительное восклицаніе: „Сенаторъ! Акурать! тьфу!“

У меня сохранилось нѣсколько писемъ Матисена, исполненныхъ мысли и заботы о предстоящихъ намъ дѣлахъ и характеризую-

щихъ его судейскую шепетильность и оригинальный взглядъ на свои права, какъ члена коллегіи. „Меня просятъ, пишетъ онъ въ ноябрѣ 1882 года,—участвовать въ консультаціи по нѣкоторымъ спорнымъ въ городской думѣ дѣламъ, но я, хотя и гласный, не считаю этого возможнымъ въ виду того, что дѣла эти, вѣроятно, дойдутъ до суда, и я хочу сохранить независимость своего сужденія“. — Въ декабрѣ того же года, извѣщая меня о своемъ нездоровьѣ, онъ проситъ меня подать за него голосъ въ общемъ собраніи палаты при избраніи члена на открывшуюся вакансію и по этому поводу прилагаетъ слѣдующій оригинальный документъ. „Не имѣя по болѣзни возможности быть лично на выборахъ 9 декабря кандидатовъ на открывшуюся вакансію члена С.П. судебной палаты, покорнѣйше прошу Васъ подать за меня голосъ, и что Вы по сему предмету учините, въ томъ спорить и прекословить не буду. Довѣренность сія принадлежитъ Его Превосходительству Анатолю Ѳедоровичу Кони. С.-Петербургъ 9 декабря 1882 года“.

Прослуживъ пятьдесятъ лѣтъ и въ служебномъ отношеніи „вкусивъ мало меду вкусивъ“, старикъ вышелъ въ отставку и, какъ это часто бываетъ съ людьми, привыкшими къ ежедневному труду, быстро одряхлѣлъ и вскорѣ получилъ возможность сказать и вторую половину приведенной цитаты изъ Писанія: „и се азъ умираю“. Онъ былъ строгимъ блюстителемъ всѣхъ мельчайшихъ предписаній закона, и я не могу безъ улыбки вспомнить того шопота ужаса, съ которымъ онъ обратился ко мнѣ, даже дернувъ меня за полу мундира, чтобы остановить меня на краю пропасти, раскрывшейся, по его мнѣнію, предо мною вслѣдствіе незнанія или забвенія мною правила, гласящаго, что судъ не имѣетъ права самъ возбуждать вопросъ о давности, погашающей предъявленный искъ. Повѣреннымъ одного изъ важнѣйшихъ правительственныхъ финансовыхъ учрежденій Петербурга состоялъ присяжный повѣренный, болѣе свѣдущій въ исторіи литературы, чѣмъ въ законахъ. Всегда изящно одѣтый, въ модномъ фракѣ и ослѣпительной бѣлизны бѣльѣ, съ тщательно расчесанной сѣдѣющей бородой, любезный и изысканный въ манерахъ, въ своихъ красиво построенныхъ рѣчахъ, выступая обыкновенно въ качествѣ отвѣтчика, онъ допускалъ грубые промахи, недосмотры и ошибки. Однажды до палаты дошло дѣло о крупномъ взысканіи какимъ-то аферистомъ, по ряду передовѣрій, съ финансоваго учрежденія крупной суммы, когда-то переданной въ него при упраздненіи одного изъ кредитныхъ установленій. Предъ докладомъ дѣла, членъ палаты Гуляевъ воплощенная рачительность и трудолюбіе — обратилъ наше внима-

ніе на то, что для предъявленія исковыхъ требованій истекла несомнѣнная и неопровержимая давность, и выразилъ удивленіе, что въ своихъ, весьма слабыхъ возраженіяхъ противъ иска повѣренный казны ни словомъ не упоминаетъ о такомъ коренномъ основаніи для признанія иска неподлежащимъ удовлетворенію. Вѣроятно онъ оставилъ это до засѣданія палаты, какъ *сюр де гресе*, сказали мы себѣ и вышли слушать дѣло. Повѣренный отвѣтчика занялъ свое мѣсто за неуклюжимъ и громоздкимъ деревяннымъ пюпитромъ и мягкимъ голосомъ, въ которомъ звучало непоколебимое убѣжденіе въ своей правотѣ, произнесъ плавную рѣчь, шедшую въ разрѣзъ съ извѣстнымъ афоризмомъ о томъ, что „лучше *ничего* не сказать, чѣмъ сказать *ничего*“. О давности—ни слова. Оканчивая рѣчь, онъ сталъ собирать свои бумаги въ очень красивый портфель, съ вензелемъ и серебряными застѣжками, очевидно считая, что болѣе говорить не придется, такъ какъ все, что нужно, имъ уже непрерываемо и побѣдоносно высказано. Повѣренный истца не могъ скрыть улыбки, заранѣе торжествуя побѣду, вслѣдствіе которой казна, т. е. народное достояніе, потерпитъ матеріальный ущербъ по явной небрежности своего повѣреннаго, имѣвшаго раздутую репутацію и получавшаго большое жалованье за защиту интересовъ нанимавшаго его учрежденія. Оставаться равнодушнымъ зрителемъ и даже ссуществителемъ этого я не могъ и, каюсь въ томъ, нарушилъ правило о процессуальномъ попустительствѣ небреженію вопреки вопіющей очевидности. „Г-нъ повѣренный отвѣтчика, сказалъ я,—для избѣжанія излишнихъ преній я просилъ бы васъ изложить въ вашей первой рѣчи всѣ ваши доводы, предоставивъ тѣмъ истцу возможность нынѣ же возразить вамъ во всемъ ихъ объемѣ. Поэтому, если вы имѣете, напримѣръ, въ виду возбудить вопросъ о давности, то я прошу васъ сдѣлать это теперь же“.—Гуляевъ взглянулъ на меня съ видимымъ удовольствіемъ, но Матисенъ, который не успѣлъ остановить меня, сдѣлалъ испуганно-укоризненное лицо. Изящный повѣренный отвѣтчика не смутился и не растерялся. „Возбуждая вопросъ объ истеченіи исковой давности, сказалъ онъ, я увѣренъ, что палата не нуждается въ доказательствахъ этого обстоятельства и сама усмотритъ ихъ въ дѣлѣ, постановивъ затѣмъ объ отказѣ въ искѣ“ — и вполне довольный собою съ благосклонной улыбкой приготовился слушать своего противника.

А. Ө. Кони.

(Продолженіе слѣдуетъ).

